

13.04.94

Подробно я расскажу эту историю в 3-м, "феллиниевском" номере "Искусства кино", коротко же она выглядит так...

Незадолго до фестиваля председателем Госкино был назначен Алексей Владимирович Романов, человек представительный и неглупый, но, да простит меня Бог, совершенно глухой к искусству кино. До этого он был журналистом, отличался верностью идеологическим догмам и поэтому преуспевал. Он решил поднять уровень кинематографа на высоту идеологических задач, которым служил всю свою жизнь. Для конкурса он выбрал наш фильм ленинградского режиссера В. Комиссаржевского "Знакомьтесь, Балаев". Фильм посредственный, но с идеологической точки зрения — не подкапашься. С этим фильмом он связывал большие надежды, ему мерещился Большой приз фестиваля. Но международное жюри не только не оправдало его надежд, но даже не нашло возможным занести этот фильм в кандидаты на какую-либо премию. Алексей Владимирович сперва недоумевал, но потом мобилизовался и решил бороться.

Пробовал склонить на свою сторону меня: мол, фильм политически важен, надо создать авторитет нашему фестивалю. Я отвечал, что авторитет фестиваля зависит от того, насколько честно мы будем оценивать фильмы в соответствии с его девизом. Пробовал поговорить с членами жюри — не получилось. Александр Васильевич Караганов, человек доброжелательный и знающий, посоветовал ему предложить на конкурс еще какой-нибудь фильм. Совет дельный, но Романов воспользовался им не лучшим образом. На конкурс был выставлен фильм "Порожний рейс" В. Венгеровой, повествующий о проблемах социалистического соревнования. По поводу этого фильма разразился скандал.

Григорий ЧУХРАЙ:

Прибежала взволнованная переводчица: "Идите скорее в комнату жюри. Серджо Амидеи требует обратный билет и собирается уезжать с фестиваля". В комнате жюри видный итальянский сценарист Серджо Амидеи весьма бурно выражал свое недовольство: "Это не фестивальный фильм. Я не хочу за него голосовать. Я всегда был другом советского кино, а теперь... Это издевательство над членами жюри! Я немедленно уеду домой!" Я постарался успокоить его. "Но у вас же есть превосходные фильмы!" — настаивал он. — Я же знаю!" "А теперь будешь знать, что есть и плохие..." — "Ты не будешь защищать этот фильм?" — "Не буду." Он подумал и сказал: "Тогда объясни мне, почему этот парень сливал бензин в озеро?" Другие члены жюри поддержали его: действительно, почему? Я стал объяснять: "Он обманывал всех, что везет груз, как положено, по дороге, а сам ездил по льду озера более коротким путем — хотел выиграть социалистическое соревнование". "Но зачем он сливал бензин в озеро?" — "По количеству бензина в баке его могли уличить в обмане, а он хотел получить премию". — "Большую?" — "Нет. По вашим меркам чисто символическую..." — "И для этого он сливал бензин в озеро?!" — недоумевали члены жюри. "Убейте, не могу понять эту логику. Невероятно!" — стонал Серджо. Он уже успокоился и решил, что остается.

О фильме забыли и долго еще обсуждали вопрос о стоимости бензина и сколько его было вылиты в озеро.

После показа фильма "8 1/2" и того глубокого впечатления на зрителей и

Как я делал большую политику

Лит. газ. - 1974 - 13 апр. - с. 8.

гостей, которое он произвел, Романов искренне огорчился. "Восторгаются потому, что ничего не понятно, — брюзжал он. — Даже мне не понятно, а простой зритель и подавно ничего не поймет..."

Вскоре я был вызван в ЦК КПСС. Со мной беседовал деятель высокого ранга, кажется, Сталин. Раньше я не встречался с ним. Разговор начался мирно, а кончился на басах. Начальство, расспросив меня о том, как идут дела, и внимательно выслушав мои ответы, стало внушать мне, что мой авторитет позволяет влиять на решения жюри, что речь идет о политике, что я должен быть патриотом и что фильм "8 1/2" не заслуживает Большого приза, так как киноискусство массовое, а фильм Феллини не понятен массам, — короче, я должен добиваться премии нашим фильмам.

Я пытался объяснить ему, что наши фильмы не выдерживают конкуренции и что попытка навязать жюри свое решение ни к чему не приведет, что Федерико Феллини — режиссер высочайшего класса, у него огромный авторитет в мире и "8 1/2" — лучший фильм фестиваля и что присуждение ему Большого приза и справедливо, и полезно для нашей политики. "А вы знаете, что Никита Сергеевич уснул на этом фильме?!" — почти закричало начальство и посмотрело на меня со строгой многозначительностью. Я пожал плечами: "У Никиты Сергеевича дела поважнее, чем кино. Очевидно, устал". "Хватит заниматься демагогией! — не выдержало начальство. — Будете делать то, что вам говорят, или положите партийный билет".

205

"Я поступлю так, как полезно для дела, — сказал я без пафоса. — В следующий раз назначьте другого, более сговорчивого".

Возвратившись на фестиваль, я узнал, что А. В. Романов собрал членов жюри из социалистических стран и предупредил их, что если они будут голосовать за "8 1/2", у себя дома они будут иметь большие неприятности. Это была не политика, а пошлое политиканство — Романов защищал даже не честь мундира, а себя, свое кресло.

На заседании жюри первым взял слово Жан Марс: "На фестивале не было фильма, который мог бы сравниться с фильмом Феллини. Я — за Большой приз фильму "8 1/2". Несколько голосов сразу поддержали его. Кто-то возразил.

Все заговорили, заспорили. Я дал слово Стэнли Креймеру, знаменитому в то время режиссеру из США. "Не думаю, что "8 1/2" — лучший фильм Федерико Феллини, но это лучший фильм фестиваля. Я не хочу выяснять, почему идет спор, но, господа, я мужчина и каждый день вынужден бриться. При этом я смотрю в зеркало. Так вот, чтобы мне не было стыдно смотреть на себя, я хочу заявить: меня не было на этом фестивале... Желаю вам успехов!" — Поднялся и ушел.

Сатьяджит Рей, выдающийся индийский режиссер, заявил: "Я никогда не пришел своего фильма на Московский фестиваль. Если он окажется лучше других, скажут, что он не понятен народу", — и последовал за Креймером. За ним — Жан Марс, японец Кэхико Усихара и Мохаммед Керим из Египта.

Что было делать? Я объявил перерыв и, подойдя к Нельсону Перейра дус Сантусу, члену жюри из Бразилии, попросил его после перерыва уточнить формулировку: дать Феллини Большой приз по совокупности за значительный вклад в мировую кинематографию и за фильм "8 1/2". Он охотно согласился.

Я очень волновался, все ли придут, не придется ли просить, уговаривать каждого отдельно. А они будут упираться, отказываться... Но, к моему удивлению, пришли сразу все. Никаких обид. Все улыбаются, как будто ничего не произошло. Нельсон Перейра дус Сантус изложил свое предложение. Все его приняли и приступили к распределению остальных призов...

Получая свой приз, Феллини поднял его над головой и сказал:

— На разных фестивалях мира я получил 270 наград, но эта награда мне особенно дорога потому, что я получил ее в советской стране.

Зато председатель Комитета по кинематографии А. В. Романов на пресс-конференции заявил журналистам: "Мы дали Большой приз фестивалю Федерико Феллини, но мы с ним не согласны... Несмотря на веселые танцы в конце, этот фильм глубоко пессимистичен".

Те, кто видел фильм "8 1/2", долго смеялись над этой оценкой: танцы в финале были не веселыми, а фильмом, как все фильмы Феллини, по большому счету, оставался надежду.

После фестиваля я уехал на Украину, к родителям, а через две недели возвратился в Москву. Алексей Владимирович встретил меня в добром расположении духа. "Ну, вы, Чухрай, ловкач! — ска-

зал он без злобы. — Натворил дел и уехал. А меня одного на ковер вызывали в ЦК. Я должен был за вас отдуваться. — Улыбнулся и многозначительно посмотрел на меня. — Вас тоже искали, хотели исключить из партии, Никита Сергеевич за вас заступился. Сказал: "Чухрай парень хороший, но необстрелянный".

Я до сих пор не понял, что он имел в виду. На войне меня обстреляли вполне достаточно. Может быть, он имел в виду другой обстрел? Тем не менее я искренне благодарен ему за поддержку.

Чухрай Григорий